



Адвокаты нашего времени

Могут ли защитники добиваться справедливости,
превратилась ли их работа в паллиативную помощь и
почему они герои 2024 года



Фото: Илья Московец / URA.RU / ТАСС

07:40, 24 декабря 2024,

Зоя Светова

обозреватель «Новой»



полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Согласно статистике судебного департамента Верховного суда России, доля оправдательных приговоров составляет 0,26% от числа всех судебных решений в России. Решения о взятии под стражу отменяются в апелляционной инстанции только в 3% случаев.

Каждый раз, когда я вижу подобные цифры, думаю: а зачем в суде нужен адвокат? Этот же вопрос, думаю, задают себе многие, кто каждый день читает в сводке новостей сообщения о новых абсурдных и невероятных обвинениях, которые предъявляют тем, кто не согласен с политикой государства.

Вот несколько последних сообщений о таких делах: «Врачи не обнаружили оснований для освобождения из□ под стражи самарского саксофониста Андрея Шабанова. Шабанов находится под стражей за антивоенные посты. У него вторая группа инвалидности и несколько хронических заболеваний».

«К трем годам колонии приговорили жителя Железногорска за 13 порванных плакатов о службе по контракту», и так далее, и так далее...

Как публичная профессия становится непубличной

В российских судах продолжают судебные процессы по «делу Григория Мельконьянца», сопредседателя движения «Голос»*; по «делу журналистов», которых обвиняют в сотрудничестве с ФБК**; в Петушках судят адвокатов Алексея Навального; в Санкт-Петербурге подходит к концу процесс по «делу 18-летней студентки Дарьи Козыревой», обвиняемой в «дискредитации армии»: по мнению обвинения, «дискредитация» выразилась в том, что Козырева прикрепила на памятник Тарасу Шевченко листовку с его стихами...

Во всех этих делах участвуют адвокаты по соглашению, которых выбрали родственники, друзья или сами подсудимые. В последний год адвокаты по политическим делам почти не дают комментарии журналистам, они отказываются от интервью, предпочитая как можно меньше «мелькать». Публичная профессия адвоката становится все менее и менее публичной.

Арест защитников Алексея Навального, присвоение нескольким адвокатам статуса «иностранного агента», ограничения на выезд за границу для адвокатов, защищающих обвиняемых в госизмене и шпионаже, — все это постепенно приводит к тому, что адвокаты почти замолчали, они становятся анонимами. Да и вообще, роль адвоката, прописанная в концепции судебной реформы тридцать лет назад, как полноправного участника состязательного правосудия, практически сошла на нет. Судьи, особенно по политическим делам, как правило, отказывают адвокатам во всех ходатайствах, игнорируют состязательный процесс, открыто становясь на сторону обвинения.



В такой ситуации кто же такой сегодня адвокат в российском суде: участник судопроизводства, «статист» или свидетель беззакония? Понимаю, что такая постановка вопроса обидна для адвокатов, и, конечно, поверхностна и несправедлива.

На самом деле, роль сегодняшних адвокатов в политических процессах очень велика.

Ведь они прекрасно знают, что происходит с нашим правосудием, они знают, что судьи из слугителей Фемиды давно превратились в функции, но они продолжают защищать своих подзащитных, и как однажды сказала мне адвокат Ксения Карпинская, которая защищала Женю Беркович, обвиняемую «в оправдании терроризма» на процессе по делу о спектакле «Финист Ясный Сокол», «я защищаю своих подзащитных так, как меня учили, по-настоящему». Адвокаты на этом процессе не оставили от обвинения камня на камне (сама была этому свидетелем), судье пришлось по надуманному предлогу закрыть судебный процесс аккурат перед тем, как сторона защиты начала представлять свои доказательства.

Адвокаты политических заключенных, которых обменяли в августе 2024 года на сотрудников российских спецслужб, отбывающих наказание в западных тюрьмах, объективно способствовали их обмену, благодаря этим адвокатам имена политзаключенных были на слуху, они защищали их аргументированно и профессионально, и не их вина, что суды выносили решения не по закону, а «по понятиям», зато их подзащитных удалось спасти от возможной гибели за решеткой.

Так что роль отечественных защитников, хоть и далекая от концепции судебной реформы, достойна восхищения. И это

стало понятно в 2024 году, через два года после начала СВО, когда политические репрессии почти достигли пика. Почти, потому что мы не знаем, где пик этих самых репрессий.

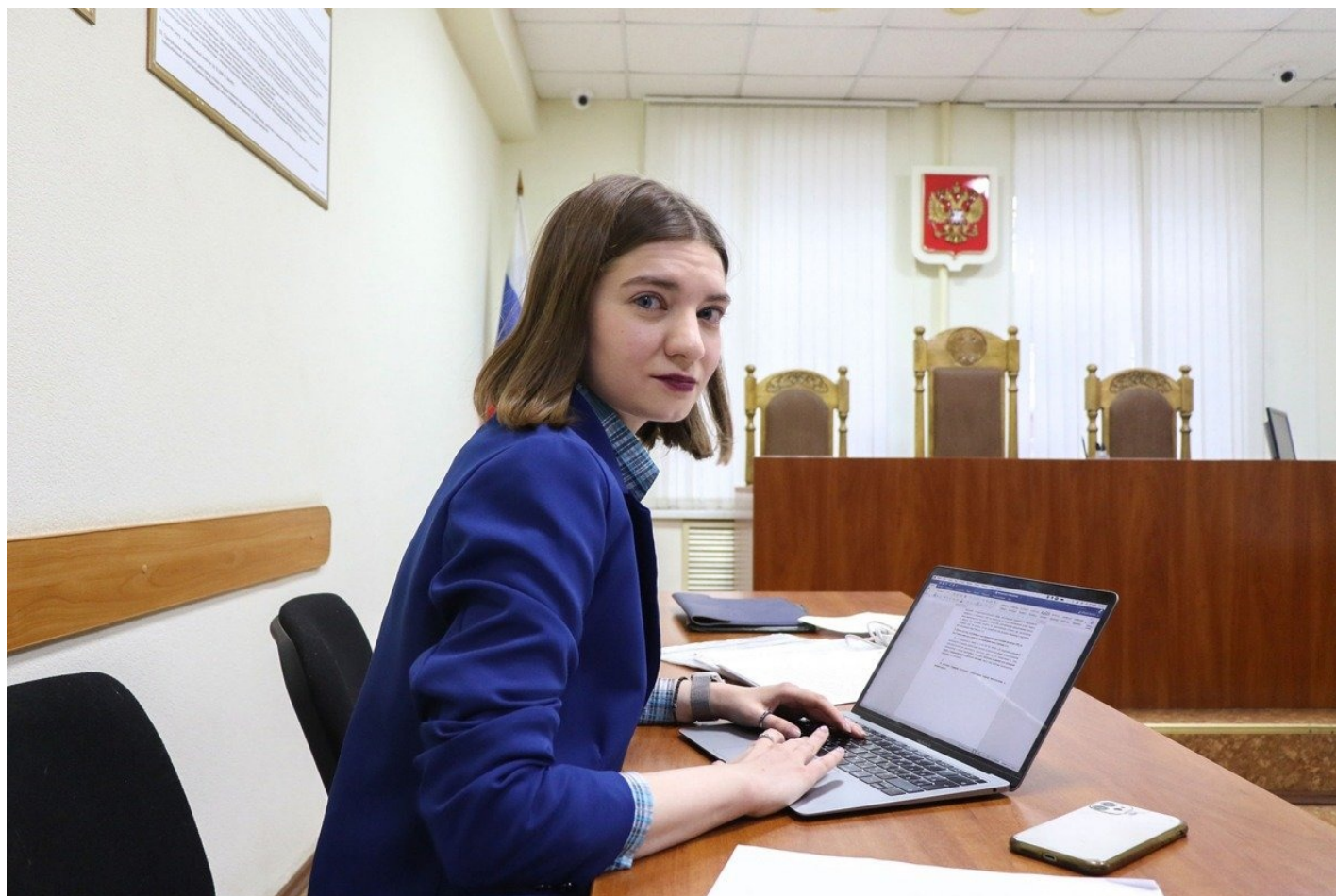
Адвокат может сказать вслух: «Я протестую!»

Итак: трое мужчин в клетке Петушинского районного суда Владимирской области, три красивых женщины с полными корзинками продуктов в магазине Ростова-на-Дону, женщины и мужчины в очередях у проходных СИЗО и колоний, молодая женщина в большой шляпе с папкой в руках у здания Владимирского городского суда... Вот эти картинки стоят у меня перед глазами, когда я думаю о российских адвокатах, адвокатах-2024.

Это не холеные, хорошо одетые мужчины в костюмах, с бабочками вместо галстука, не сходящие с экранов телевизора, рассуждающие о праве, о справедливом суде. К концу 2024 года, когда в России нет ни права, ни справедливого суда, а адвокаты, защищавшие лидера оппозиции, сидят в тюрьме и ждут приговора (который, скорее всего, не будет условным), их коллеги несколько раз в месяц едут сутками на поездах в Ростов-на-Дону, чтобы защищать украинских заключенных.

В перерывах между судебными заседаниями они покупают им горы продуктов, чтобы сделать передачи: родственники их подзащитных, которых на третий год СВО судят «пачками» в Ростовском окружном военном суде, не могут приехать из соседней страны ни на свидания к своим близким, ни в бюро передач ростовского СИЗО.

Молодая красивая женщина в шляпе с папкой в руках — это адвокат Алена Савельева. 31 год, первое образование — журналистское, второе — юридическое. Она защищает бывшего муниципального депутата Алексея Горинова по второму уголовному делу об «оправдании терроризма».



Алена Савельева. Фото: соцсети

Алексея Горинова в начале декабря 2024 года осудили по второму делу. Ему, отбывающему семилетний срок за «фейки о российской армии», предъявили обвинение в «оправдании терроризма» по доносу подсаженных к нему сокамерников. С учетом нового приговора, по совокупности бывшему муниципальному депутату Красносельского района Москвы предстоит отбыть еще пять лет срока, но теперь уже в колонии строгого режима. Адвокат Алена Соловьева в прениях требовала оправдания Алексея Горинова и после процесса давала интервью журналистам — так мы увидели новое лицо российской адвокатуры — молодая женщина, почти девочка, в большой шляпе. Красивая, бесстрашная, верящая в свою миссию.

Кто они, сегодняшние адвокаты, которые защищают российских инакомыслящих, «незаметные герои нашего времени»?

Они очень разные. В смысле образования, для многих из них юридическое — уже второе образование. Кто-то окончил исторический, кто-то был географом, Михаил Бирюков, защищавший Илью Яшина**, Михаила Кригера, и сейчас Григория Мельконьянца, долгие годы работал в транспортной прокуратуре. Мария Эйсмонт была известным журналистом, работала в Африке, в Чечне, как журналист международного информационного агентства писала в различных изданиях, несколько лет назад решила выучиться на юриста. «Почему?» — спрашивала я Эйсмонт в одном из интервью в самом начале ее новой карьеры.

Мария Эйсмонт:

«Мне многие адвокаты говорили: зачем ты поменяла одну профессию, в которой мало на что можно повлиять, на другую, в которой тоже почти ни на что нельзя повлиять? У меня нет ответа на этот вопрос. Когда ты журналист, ты сидишь в зале суда и молчишь. На твоих глазах происходит чудовищное беззаконие. Ты не меньше меня сидела в этих судах и молчала. Если ты что-нибудь скажешь, тебя выгонят. Да, потом ты напишешь об этом, но хочется сказать что-то прямо сейчас. Адвокат как минимум может сказать вслух: «Я протестую!» — и его не выгонят».

Уже на процессе по ликвидации Международного общества «Мемориал»** в Верховном суде в декабре 2021 года Маша Эйсмонт обратила на себя внимание публики страстностью и в то же время изобретательностью своей речи в прениях. Когда она процитировала в Джорджа Оруэлла, судья Алла Назарова

раздраженно напомнила ей, что она выступает в суде как адвокат, а не как журналист. Адвокат Эйсмонт продолжала: «Нельзя уничтожать организацию, которая делает за государство, устранившееся от покаяния, его работу по восстановлению исторической справедливости. Еще не прочитаны все имена. Ликвидировать «Мемориал», прикрываясь защитой прав и свободы граждан и детей — это как вторично предать миллионы людей, оболганных, убитых и преданных забвению...»



Мария Эйсмонт с подзащитным Дмитрием Ивановым. Фото: Александра Астахова

Михаил Бирюков, защищавший Илью Яшина, вместе с Машей Эйсмонт и Вадимом Прохоровым** (которому пришлось уехать после угроз, высказанных ему прокурором в процессе по делу Владимира Кара-Мурзы**), несколько лет совмещал работу адвоката с депутатской деятельностью в муниципальном округе Красносельский, и неудивительно, что, как он говорит, «теперь почти все его друзья — его подзащитные».

Бирюков говорит, что в России адвокатов, готовых братья за политические дела, всего несколько сотен — на всю страну. Почему?

Михаил Бирюков:

«По административкам, на задержаниях, пикетах адвокаты работают с удовольствием. По уголовным делам все-таки опасаются, памятуя генетически 1937 год и позднесоветское время, потому что мы практически доказываем, что отсутствует состав преступления, что эти статьи антиконституционны. Нарушается конституционное право на свободу мнений, мы приводим аргументы, подтверждающие позицию нашего подзащитного.

Скажем, в «деле Яшина», который обвинялся в распространении недостоверных сведений о событиях в городе Буче, мы приобщили и зачитали в процессе два тома заключений уполномоченного по правам человека комиссии ООН, посвященных в том числе этим событиям. Это документы, которые у нас никогда не публиковались, не оглашались, мы в открытом процессе зачитывали и доказали, что нельзя инкриминировать Яшину распространение недостоверных сведений, что как минимум эти недостоверные сведения должны быть подтверждены помимо заявления пресс-секретаря Министерства обороны какими-то иными данными, на основании которых эти выводы сделаны. То есть фактически мы солидаризируемся с позицией нашего подзащитного. И если смотреть с позиции прокурора, нас тоже необходимо привлекать к уголовной

ответственности по тем же статьям. Как в принципе это в Белоруссии и практиковалось».



Михаил Бирюков (справа) и Мария Эйсмонт во время рассмотрения апелляционной жалобы на приговор Илье Яшину, апрель 2023 года. Фото: Александр Миридонов / Коммерсантъ

Сергей Тихонов, адвокат из Вологды, стал известен после того, как он защищал кочегара Владимира Румянцева, которого осудили на четыре года за «пиратское радио», обвинение сочло его «распространителем фейков». В интервью «Новой» Сергей рассказал, что защищает в своем регионе фигурантов нескольких политических дел.

Началось все с того, что он вместе с коллегами вытаскивал

задержанных на митингах в Вологде граждан, а потом к нему стали обращаться с просьбой защищать фигурантов политических дел в Вологодской и соседних с ней областях, которых, конечно, там не так много, как в Москве, но все-таки есть.

Сергей Тихонов:

«В Вологде и Архангельской области никто на меня давления не оказывает. Естественно, ФСБ не очень удобно, когда есть адвокат по соглашению, проще, когда в таких политических делах работают адвокаты по назначению, они более предсказуемы. Бояться я особо не боюсь, понимаю, что если в государстве что-то стукнет, то и дело дойдет до политических адвокатов. Но мне 52 года, я уже всякое в жизни видел, я с медведем один на один в лесу встречался».

Как юристы судят юристов в Петушках

«Российские адвокаты рискуют не только карьерой, но и свободой. День юриста я не праздную», — так написал в одной из социальных сетей адвокат Андрей Гривцов. В его бытность работы следователем в СК его обвинили в вымогательстве взятки, но Хамовнический суд его оправдал, и он пошел в адвокатуру. Сейчас защищает своего друга и коллегу Вадима Кобзева, одного из трех защитников Алексея Навального, которых судят в Петушках за «сотрудничество с экстремистской организацией».

Андрей Гривцов:

«Хотел рассказать вам про сегодняшний свой день. Тоже ведь своего рода день юриста. С утра поехал в город Петушки Владимирской области. Было заседание назначено. Даже вроде как прения обещали начать. Я надел по этому случаю костюм, белую рубашку и галстук. Я всегда так делаю, хотя коллеги — юристы-работяги — надо мной справедливо подтрунивали: все выпендриваешься, мол, хотя и знаешь давно, что без галстука удобнее. Прения не начали. Государственный обвинитель сказал, что ему нужно дополнительное время для подготовки. Наказание не согласовал еще с вышестоящей прокуратурой, значит.

Судят в этом Петушинском суде юристов. Юрист судит других юристов за то, что они защищали одного бывшего юриста, признанного затем экстремистом. Другие юристы этих юристов-подсудимых обвиняют, а еще одни другие защищают. Сплошные юристы в зале, и все, между прочим, приличные и приятные люди. Все и всё понимают. Одни не могут не обвинять, а другая не может не судить. Иначе самих обвинят и осудят (такое мое субъективное и оценочное суждение). Третьи по собственной воле защищают, рубятся как за себя, у них интересная правовая позиция и вообще это «славная охота, человеческий детеныш» и «мы с тобой одной крови», но ведь тоже понимают, что с пластмассовой вилкой без зубьев да против танков... Вот такой вот день юриста в день юриста получается.

Петушки — город маленький. Здание суда находится в частном секторе, и такие дела здесь вряд ли часто

бывают. В дни процесса же суд всегда оцеплен, на каждой улице сотрудники ГИБДД, которых согнали со всей области, и кругом коротко стриженные мужчины серьезного вида, гуляющие зачем-то вокруг здания суда. Конвоем руководит целый полковник с рацией. Конвой тоже какой-то специальный. Повышенная опасность. Вдруг экстремисты нападут. Впрочем, это все Дина Каминская в свое время описывала. У нее можно почитать.

Юристы же, которых судят, сидят в клетке и тихо переговариваются между собой. Один из них мой товарищ, знаю его лет 15. Прирожденный юрист, между прочим. Зануда и ворчун редкостный, но человек очень хороший. Один из лучших, кого знаю. Доказано временем и жизнью. Настроение у подсудимых юристов, конечно, не очень веселое. Чего тут веселиться? Больше года под стражей, и сколько еще сидеть, непонятно. А у всех семьи, дети, родители больные и пожилые. Все их ждут, все чуда хотят. Надеются, конечно, на правосудие. Жалко мне их, и несправедливо то, что с ними происходит.

Раз несправедливо, будем бороться. А все юристы, о которых я сейчас написал, описав свой сегодняшний день юриста, всегда будут об этом деле помнить. Кто-то будет гордиться тем, какую он позицию занимал, а кто-то морщиться от воспоминаний как от зубной боли, желая забыть. Но забыть-то и не получится...»



Андрей Гривцов. Фото: соцсети

«Я жду слов о наступившем мире»

28 ноября Ижевский городской суд приговорил экс-президента республиканской палаты адвокатов Дмитрия Талантова к 7 годам за несколько постов. Дмитрию Талантову сейчас 64 года. У него очень необычная судьба. Через несколько лет после того, как он стал адвокатом, его пригласили в судьи. Было это в конце 80-х годов, и в суде Талантов проработал всего год, вернулся в адвокатуру. «Тянуло к большей свободе и большей самореализации. Наверное, я по натуре очень свободный человек, наверное, и сейчас просматривается бунтарский дух, а в судебной системе даже в те хорошие времена все равно была некая дисциплина», — объяснял Талантов в одном из интервью.

С 1996 года он был на руководящих должностях в адвокатуре Удмуртии. С 2002 года вплоть до ареста в 2022 году он

— бессменный президент Адвокатской палаты Удмуртии. Тогда же, в 2022 году, он стал защищать журналиста Ивана Сафронова, обвиненного в госизмене, после того, как его защитник — адвокат Иван Павлов** вынужден был уехать из России после возбуждения против него уголовного дела о «разглашении гостайны». В это же время Талантов написал несколько постов в фейсбука***, которые и послужили материалами для его обвинения в «фейках в отношении российской армии».



Дмитрий Талантов. Фото: соцсети

Талантов и его защитники точно не знают, связано ли возбуждение уголовного дела против Талантова с его участием в «деле Сафронова», или оно стало результатом рандомного мониторинга оперативниками страниц фейсбука, или было инициировано по доносам тех чиновников от адвокатуры, которых Талантов страстно обличал в коррупции.



Дмитрий Талантов в своем «последнем слове» перед приговором:

«Прокурор попросил для меня с учетом моей ненависти 12 лет... В России так долго не живут, особенно в тюрьме и особенно с моим здоровьем... Впрочем, иногда мне кажется, что сегодня вовсе не страшно умереть, сегодня страшно жить...»

«Я сижу в тюрьме уже два с половиной года... Вот эти последние два в убитой средневековой камере, где из благ цивилизации только унитаз и раковина с безостановочно текущей водой. В стене над дверью дырки, туда вмонтирован динамик. Из него транслируются одни и те же пункты правил внутреннего распорядка изолятора, их читает, видимо, актер каким-то восторженным голосом. Мне удалось упросить своих, ну как, назовем их — хранителей — отключить динамик. Иногда милосердие стучит в их суровые сердца... Динамик отключили, но в коридор — продол по-нашему, ведет железная дверь. Если подойти и прислониться ухом, слышно, что говорят динамики в соседних камерах. В 9 часов транслируется программа «Соловьев Лайф». Вот никогда бы не поверил, что я буду каждый вечер в течение пяти минут внимательно слушать Соловьева... А дело в том, что я жду слов о наступившем мире. Этих слов нет, их нет...».

У адвокатуры — женское лицо

Интересная деталь, отличающая сегодняшних защитников по политическим делам, от их предшественников — советских

адвокатов: адвокаты, которые защищали советских диссидентов, как правило, были очень успешными и хорошо зарабатывающими профессионалами, диссидентов они защищали практически бесплатно, рискуя при этом карьерой. Адвокаты, которые сегодня защищают фигурантов политически мотивированных дел — это в основном женщины, которые и раньше вели подобные дела, и не всегда сделавшие успешные карьеры по резонансным уголовным делам. Бывают, конечно, и исключения. Но вот, например, адвокаты-мужчины, известные по защите крупных бизнесменов и чиновников, в «политические дела» не стремятся.

«Почему?» — спрашиваю я их коллег.

«Женщины — более смелые, более эмпатичные, они не так боятся «токсичных» дел, как мужчины, чаще готовы рисковать», — говорит одна из защитниц.

В Южном окружном военном суде уже все привыкли к женщинам-адвокатам из Москвы, которые больше года приезжают в Ростов-на-Дону на работу. Они защищают нескольких украинских заключенных, обвиняемых по разным статьям — от шпионажа, международного терроризма, терроризма до обвинений в убийстве.

Как и почему они решили участвовать в этих делах? Адвокаты, с которыми удалось поговорить на условиях анонимности, рассказывают, что все началось с одного-двух клиентов, о которых они узнали от своих подзащитных по другим делам, а потом дела посыпались, как «снежный ком». И теперь адвокаты, а приезжих, не ростовских, в основном из Москвы — десять-двенадцать, ведут по несколько дел, у кого-то пять-шесть

подзащитных, у кого-то и больше.

«Я не всем своим знакомым могу рассказать, что я защищаю украинцев, — рассказывает одна из московских адвокатов, — коллеги-мужчины, которых я зазывала в свой процесс (у нас там несколько фигурантов), категорически отказались, услышав, что за дело. Слишком токсично».

Южный военный суд буквально завален этими делами, поэтому процессы тянутся месяцами. Адвокаты приезжают из Москвы несколько раз в месяц, а когда они не могут, суды назначают им дублеров, адвокатов по назначению.

«Когда я в первый раз пришла к своему подзащитному, я сказала, что буду стараться ему помочь, но по «делу ничего сделать не смогу». Он понял», — рассказывает одна из адвокатов.

И они и правда помогают: приходят на свидания и просто разговаривают со своими подзащитными, среди них есть те, кто по несколько месяцев ни с кем не разговаривал, сидел в одиночках. Кому-то просто адвокат нужен как человек с воли, с которым можно обняться. Адвокаты делают передачи не только для своих подзащитных, но и для их сокамерников.

Спрашиваю: «Вы понимаете, что сильно рискуете?» «Конечно, — отвечает одна из защитниц. — Мера дозволенного поведения у нас сейчас не всегда понятна, и ты не всегда знаешь, где и чем ты можешь рисковать. Но я по-другому не могу».

«Почему я участвую в подобных делах? Во-первых, потому что для меня 24 февраля мир раскололся на до и после. В какой-то момент я поняла, что мы можем больше, чем адвокаты, — говорит другая защитница. — Наша задача — гуманитарная. Мы можем сообщить родственникам и правозащитникам, в каком состоянии находятся наши подзащитные, мы можем им

передать одежду, еду и все необходимое. Они рассказывали, что они переживали, и это было очень тяжело слушать. Однажды я передала одному сидельцу одежду, так мне потом рассказали, что он ее нюхал часами, потому что очень давно у него не было собственной одежды. Мы даем этим людям почву под ногами, которую они потеряли».

«Так это адвокатская работа или правозащитная?» — спрашиваю я еще у одного адвоката, который часто ездит в Ростов. И это опять женщина. «Мы делаем все возможное, чтобы их быстрее обменяли.

Мы в этих делах прежде всего люди, потом адвокаты, а уж потом правозащитники. Так получилось, что адвокаты сегодня оказались единственными людьми, которые могут оказать помощь этим людям», — отвечает моя собеседница.

Я считаю, что эти наши соотечественницы-адвокаты — настоящие герои своего времени. «Незаметные герои», как, впрочем, и те, кто защищает политзаключенных, ежедневно рискуя потерей статуса, уголовным делом и закрытием возможности выезда за границу (есть уже такие случаи среди российских адвокатов, которые защищали фигурантов дел по «госизмене»).

А вот история 31-летней Алены Савельевой, которая защищала Алексея Горинова по новому делу «об оправдании терроризма», прямо какая-то святочная.

Алена Савельева:

«С Алексеем Гориновым вышла интересная история. Я вела текстовую трансляцию с его первого дела как журналист. Тогда познакомилась с его семьей, с его защитником. Очень прониклась его личностью. Но никогда не думала, что будет второе дело и что я буду в зале уже в другом качестве. Через несколько лет мне предложили выступить в его защиту. Я получила адвокатское удостоверение 15 августа этого года, на следующий день сразу поехала к Алексею. То есть это мое первое дело. В основном у меня в работе дела, связанные с преследованием за слова».

Вспоминается Юлий Ким с его замечательным «Адвокатским вальсом»:

*Конечно, усилия тщетны,
И им не вдолбить ничего:
Предметы для них беспредметны,
А белое просто черно.*

*Судье заодно с прокурором
Плевать на детальный разбор —
Им лишь бы прикрыть разговором
Готовый уже приговор.*

*Скорей всего, надобно просто
Просить представительный суд
Дать меньше по сто девяностой,
Чем то, что, конечно, дадут.*

Откуда ж берется охота,

*Азарт, неподдельная страсть
Машинам доказывать что-то,
Властям корректировать власть?*

*Серьезные взрослые судьи,
Седины, морщины, семья...
Какие же это орудья?
То люди как люди, как я!*

*Ведь правда моя очевидна,
Ведь белые нитки видать!
Ведь людям должно же быть стыдно
Таких же людей не понять!*

*Ой, правое русское слово —
Луч света в кромешной ночи!
И все будет вечно хреново,
И все же ты вечно звучи!*

* Признаны экстремистскими организациями и запрещены в России.

** Признаны Минюстом «иноагентами».

*** Принадлежит компании МЕТА, которая признана в РФ экстремистской и запрещена.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:



[«Светлана и Женя сказали, что никогда не признаются в том, чего не совершали»](#)

Шесть лет колонии за спектакль, получивший две «Золотые маски». Как выносили приговор Евгении Беркович и Светлане Петрийчук

14:21, 9 июля 2024, Зоя Светова



[Палата № 207](#)

Алексею Горинову вынесли второй приговор — 3 года строгого режима. В основе дела — провокация и показания «наседок»

15:08, 29 ноября 2024, Наталия Савоськина



[Никто не выбирает зло, но и само оно не порождается](#)

В Удмуртии суд приговорил экс-президента республиканской палаты адвокатов Дмитрия Талантова к 7 годам за несколько постов. Сейчас ему 64...

14:57, 28 ноября 2024, Леонид Никитинский



[«Надежда Буянова была готова к тому, что будет такой приговор»](#)

Разговор с адвокатом Леонидом Соловьевым о деле врачей, делах защитников Навального и «Маяковских чтениях»

17:16, 22 ноября 2024, Зоя Светова, Вера Челищева



[«Наша задача — не перестать видеть в людях людей»](#)

Гость стрима — адвокат Мария Эйсмонт

13:38, 26 декабря 2023, Ирина Воробьева, Василий Полонский